

ТРИЛЛЕР
ПО-СКАНДИНАВСКИ

**САМЮЭЛЬ
БЬОРК
МАЛЬЧИК
В СВЕТЕ
ФАР**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44
Б96

Samuel Bjørk

GUTTEN SOM ELSKET RÅDYR

Серия «Триллер по-скандинавски»

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Ahlander Agency

Перевод с норвежского *Марии Назаровой*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей,
относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской,
и чья деятельность в России запрещена.

Бьорк, Самюэль.

Б96 Мальчик в свете фар : [роман] / Самюэль Бьорк ;
[перевод с норвежского М. Назаровой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 448 с. — (Триллер
по-скандинавски).

ISBN 978-5-17-157023-1

В озере высоко в горах находят труп девушки в балетном костюме. Рядом полицейские обнаруживают страницу из книги «Братья Львиное Сердце» и фотокамеру, в объективе которой процарапана цифра 4. Вскоре выясняется, что балерину убили уколом антифриза в сердце. За дело берется команда Холгера Мунка. Даже Миа Крюгер откладывает столь необходимый ей отпуск, чтобы помочь Холгеру раскрыть это страшное преступление.

Вскоре обнаруживается еще один труп: молодой джазист лежит на кровати дешевого хостела, играет музыка, а на стене надпись — цитата из мультфильма «Бемби»: «Смотри, что я умею». В объективе стоящей рядом камеры можно разглядеть цифру 7.

Полицейские ломают голову: между жертвами нет никакой связи, попытки установить личность убийцы также никуда не ведут. Меж тем в Осло появляются все новые и новые трупы. И никто из растерянных следователей не догадывается, как близко притаился убийца...

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

© Samuel Bjørk, 2013

© Назарова М., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-157023-1

В первый день Рождества 1999 года пожилой мужчина ехал по горной дороге из Осло в Хемседал. Семидесятилетний пенсионер и вдовец, он встречал Рождество у своей дочери. Обычно ему доставляло удовольствие ехать этой дорогой по двум причинам. Во-первых, он не любил город — всегда было так приятно уехать подальше от людей с их постоянной суетой. А во-вторых, в пути его окружала необычайно красивая природа. Леса, равнины, вершины гор, озера, одинаково прекрасные в любое время года. Норвегия в своей лучшей ипостаси. Истинная красота повсюду, без конца и края. В тот год зима пришла рано, землю устилал сказочный снег, и казалось, что едешь сквозь безмолвную тишину красочной почтовой открытки. Обычно было так. У пенсионера были проблемы со зрением, и он всегда старался выехать пораньше, чтобы насладиться дорогой домой в свете дня. Однако на этот раз он задержался.

Темнота... Он не любил ее. Одно дело — сидеть дома у камина, тогда почему бы и нет, он не имел ничего против того, что земля так повернулась, что

вокруг наступила ночь, нет-нет, это даже очень уютно. Налить себе стаканчик чего-нибудь. Завернуться в плед на диване, пока за окном просыпаются ночные животные, а холод начинает по-настоящему брать свое, так что трещит в бревенчатых стенах. Но в машине?! Так далеко от дома?! Нет, такое ему не нравилось. Пенсионер сбавил скорость и придвинулся еще ближе к лобовому стеклу. Он купил новые мощные фары на машину — яркие огни, для таких случаев, как этот. Он включил их, как только на небо набежали облака, закрыв последний крошечный источник слабого света, который давала луна. Внезапно в воздухе повисла ледяная беззвучная мгла. Пожилой мужчина сделал глубокий вдох, и у него на секунду промелькнула мысль остановиться и подождать. Конечно, это идиотизм, господи. На улице почти минус двадцать, а он вдали от людей. Надо просто дотерпеть. Приложить все усилия. Он уже как раз собирался включить радио, чтобы найти что-нибудь бодрящее, когда фары внезапно осветили нечто, при виде чего он непроизвольно подскочил.

Черт подери.

Перед ним на дороге кто-то стоит.

Какого?..

Пятьдесят метров.

Двадцать метров.

Десять метров.

Он в отчаянии втопил педаль тормоза, почувствовал, как сердце выпрыгивает из груди, костяшки пальцев на руле побелели, мир почти рухнул перед его глазами, когда машина наконец остановилась.

Мальчик в свете фар

*Пенсионер сидел в машине и хватал ртом воздух.
Какого хрена?
На дороге перед ним стоял маленький мальчик.
Не двигаясь.
С посиневшими губами.
С рогами оленя на голове.*

I

Апрель, 2013

Кудрявый десятилетний мальчик сидел на банке маленькой лодки и изо всех сил старался не издавать ни звука. Он бросил беглый взгляд на отца, сидевшего на веслах, и почувствовал, как внутри все потеплело. Снова в гостях у папы. Наконец-то. С последнего визита прошло уже достаточно много времени, после того как мама услышала о произошедшем здесь в прошлый раз. В папином доме в лесу, почти на горе, который мама называла хибарой. Мальчик пытался объяснить, что для него неважно, что папа не готовит такие же обеды, как мама, или что он курит в доме, или что в гостиной висит ружье. Оно же для куропаток, а не в людей стрелять, но мама и слышать ничего не хотела. Больше никаких посещений, она даже в полицию позвонила, или не в полицию, но как бы то ни было, кто-то пришел поговорить с ним, и за кухонным столом записывал в блокнот, и с тех пор папу он не видел. До этого момента.

Мальчику очень хотелось рассказать, что с последнего приезда он прочел много книг про рыбалку. В библиотеке. Что теперь он знает много названий: сиг, голец, мольва, форель, семга; что в таких озерах,

как это, не водится щука, потому что щуке нравится прятаться в камышах. А здесь камыша нет, только нечто похожее на болото у кромки воды. Но он ничего не сказал, потому что усвоил: на рыбалке не разговаривают, разве что очень тихим голосом, и только если папа заговорит первым.

— Первая поездка на Свартгьенн в этом году, — прошептал отец и улыбнулся сыну сквозь бороду.

— Здесь всегда так здорово, — прошептал мальчик в ответ и почувствовал, как тепло снова разлилось по телу, когда отец подмигнул ему.

Мальчик много раз пытался объяснить это маме. Насчет папы. Что ему так нравится находиться здесь — птицы за окном, аромат деревьев... Что деньги не играют никакой роли, что папа не виноват, что никто не хочет покупать его рисунки, что можно обедать, не помыв руки, без скатерти на столе. Но она не желала слушать, и ему порой так трудно было подобрать слова, что он перестал пытаться.

В гостях у папы.

Он поднял взгляд к облакам в надежде, что они скоро исчезнут. Звездное небо. Вот когда приходит рыба. Он снова перевел взгляд на отца, на его сильные руки, тихо рассекающие веслами черную, как уголь, воду, и ему захотелось сказать, что он тоже тренировался и скоро сам сможет грести. Но он промолчал. Тренировался он не в спортзале, куда ходила мама, туда с детьми нельзя, но он делал то же самое дома в своей комнате, отжимался и приседал практически каждый день в течение почти полугода, и да, он много раз смотрел на себя в зеркало, но мышцы не особенно увеличивались. Тем не менее, у него

был план. Возможно, к следующему лету. Может быть, тогда сработает. Он уже представлял, как это произойдет: он пойдет в ворота с рюкзаком за спиной, может быть, в футболке, похожей на те, что носили мужчины в мамином спортзале, с большими бицепсами на руках, которыми можно грести, чтобы папа мог сидеть на банке, пока сын сам будет управляться с веслами.

— Рыбалка без пива — не рыбалка, — прошептал папа и еще раз подмигнул, наклоняясь и открывая одну из банок, что лежали на дне лодки.

Мальчик кивнул в ответ, хотя и знал, что это — один из тех вопросов, о которых мама говорила с теми людьми: папа слишком много пьет, и это безответственно.

Сварттъенн. Живописное озеро, сокрытое высоко в горах, о котором мало кто знает. Теперь они здесь вдвоем, вместе, поэтому мальчик старался не думать о том, что мама сказала, что больше поездок к папе не будет. Что это, наверное, последний раз.

— Первый заброс? — прошептал отец и сложил весла.

— На мормышку или на блесну? — прошептал мальчик, откинув кудри назад. Он знал, что это важно, хотя сам не вполне понимал, почему.

Отец сделал еще один глоток пива и бросил взгляд на облака, а затем на темную воду.

— А ты как думаешь?

— На блесну? — сказал мальчик немного неуверенно вначале, но почувствовал, как щеки загорелись, когда отец кивнул и улыбнулся ему, открыв коробку с крючками, лежавшую на лавке рядом.

— Слишком темно для мормышки, согласен?

— Согласен, — кивнул мальчик и поднял взгляд к небу, на секунду притворившись, что не заметил, что оно не такое безоблачное и звездное, как должно быть.

— Вот так, — сказал папа, закрепив разноцветную блесну на леску.

В торжественный момент, когда руки сына приняли удочку из рук отца, мальчик знал, что скажет папа, но притворился, будто это что-то новое для него:

— Короткими рывками, чтобы не достать до дна, хорошо?

— Хорошо, — сказал мальчик и перекинул удочку через стойку на лодке.

Держать катушку. Поднять удочку. Назад. Отпустить точно в нужный момент. Мальчишка снова почувствовал, как тепло разливается по телу, поймав взгляд отца, говоривший, что он все сделал правильно, когда блесна пролетела по воздуху и угодила в черную воду с почти неслышным всплеском.

— Не слишком сильно, — прошептал отец, открывая новую банку пива. — Тяни осторожно.

Мальчик сделал, как сказал отец, и ему так захотелось сказать маме, что она ошибается. Лодка. Озеро. Он очень хотел быть с папой. Что бы ни говорили люди с блокнотами. Может быть, он мог бы даже переехать сюда? Кормить птиц? Помогать с крышей дома? Чинить расшатанные ступени лестницы? Его так заняли мысли о том, как хорошо могло бы быть, что он почти забыл, что держит в руках удочку.

— Клюет!

— Что?

— У тебя клюет!

Мальчик очнулся, удилище изогнулось. Он крутил катушку, но она не сдвигалась с места.

— Большая! — прокричал мальчик, забыв, что вообще-то надо вести себя тихо.

— Черт, — сказал отец и пересел вниз на банку. — С первого заброса, ты точно не зацепил дно?

— Нет... вряд ли... — сказал мальчик, крутя изо всех сил. Было так тяжело, что лодка качнулась и стала приближаться к берегу.

— Она вот-вот будет у тебя в руках, — воскликнул отец и приподнялся, схватившись за планшир. — Ох, твою же мать.

— Что такое?

— Не смотри, Томас, — вдруг прокричал отец, как только то, что висело на крючке, показалось на поверхности.

— Папа?

— Ляг на дно лодки. Не смотри!

Он бы рад был послушаться, но он словно оглох.

— Папа?

— Томас, на дно, не смотри!

Но он все же посмотрел.

Вниз, на девушку, лежащую в воде.

Бело-синее лицо.

Открытые глаза.

Кольшущаяся в воде мокрая одежда, слишком легкая для похода в лес.

— Папа?

— Ляг на дно, Томас! Черт поberi!

Маленький мальчик не успел ничего больше увидеть, потому что отец резко поднялся с банки. И силой опустил его на дно лодки.

2

Неправда, что Каролине Берг боялась летать. Она просто использовала это как отговорку. Правда в том, что она вообще боялась ехать куда-либо. Ей больше всего нравилось дома. Ей нравилась упорядоченность жизни — нет, она была ей просто *необходима*.

— Разве ты не можешь приехать в гости, мама?

— Я бы с удовольствием, Вивиан, но ты же знаешь, моя аэрофобия...

— Но ты же можешь поехать на поезде, мама?

— Шестнадцать часов взаперти в герметичной банке с людьми, которых я не знаю?

— Да, я все понимаю, но я бы так хотела, чтобы ты увидела, как я танцую.

— Я ведь видела, как ты танцуешь, Вивиан. Много раз.

— Нет же, это не Дом Культуры в Буде. Это же Опера в Осло, мама. Опера! Я говорила, что получила место в ансамбле Александра Экмана? Я буду танцевать «Лебединое озеро». «Лебединое озеро»! Как круто!

— Вивиан, это потрясающе. Поздравляю, дорогая.

— Ты там одна совсем замшела, мама. Ну, может быть, ты все же приедешь в Осло? Сходим в ресто-

ран? Ты знаешь «Моэмо»? Мишленовский ресторан, все такое, мы же можем...

Конечно, она хотела посмотреть, как дочь танцует.

Господи, она ничего другого так не хотела.

— Давай так: мы увидимся, когда ты приедешь домой?

— Конечно, мама. Но мне пора бежать, у нас репетиция. У тебя все хорошо?

— Все хорошо, Вивиан, не беспокойся обо мне.

— Хорошо, мам, созвонимся позже.

— Конечно.

Господи, с каких пор все стало так?

Дни просто приходят и исчезают.

Куда подевалась ее жизнь? Та жизнь, о которой она мечтала?

Сорок два года, а ощущала она себя на все девяносто. Каждую субботу сэндвич с креветками в «Сюдвесте», нет, они не говорили ничего вслух, но в глубине души она знала, что они над ней смеются. Подруги. Те же самые, что и давным-давно. Старшая школа Буде. Выпускной, и она куда-то мечтала поехать. В Индию. В Африку. Собирать яблоки в Гватемале. Играть на гитаре на улице в Амстердаме. Другие — нет, они никогда никуда не собирались, хотели выйти замуж, завести детей, получить работу в коммуне, в магазине «Рема», во всяком случае, не уезжать из Буде. А теперь оказалось, что все они объездили весь мир, все, кроме нее.

Весной, два года назад, Вивиан ездила на пробы в Осло. Ее милая, целеустремленная дочь... Она появилась нежданно-негаданно. Аэропорт в Буде. От-

туда самолеты летают по всему миру, а солдаты НАТО прибывают сюда на учения. Каролине было двадцать, она была юна и беззаботна. Он был из Англии и оставил ее с большим животом и без адреса.

Его ли вина?

Люка Мура из Лидса, симпатичного пилота с темными кудрями?

Он виноват в том, что ты нигде никогда не была, Каролине?

Нет, в этом ты можешь винить только себя.

Она жила в маленькой квартирке всего в двухстах метрах от аэропорта, но в нем она никогда не была.

Нигде не была.

«Вы обязательно должны поехать в Аликанте, там та-а-а-ак хорошо».

Метте.

Когда-то была ее лучшей подругой, но теперь уже нет. У той муж, дети, красивый дом в Хюнтстаде, отпуск каждое лето, в разных местах, далеко отсюда.

«Господи, Кей Вэст, я же слышала, там хорошо, ты что, с ума сошла?»

Сюнневе.

В школе она едва могла сложить два и два, но после отхватила себе предпринимателя из Харстада, который любил яхты и инвестировал в недвижимость за границей. Они смеялись над ней, да, смеялись. Каждый раз, когда заходили в супермаркет «Куп». Не вслух, но она видела это по их лицам.

— Вам нужен чек? Пакет?

Товары на ленте, и всегда один и тот же писк.